Вестник ТвГУ. Серия «История». 2026. № 3 (79). С. 94–106.

УДК 930(47)”18/19”
DOI 10.26456/vthistory/2026.3.094

# Девичество как этап женского жизненного цикла: итоги изучения за два века российской историографии [1]

**Д.И. Калашникова**

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный медицинский университет»,
*г. Смоленск, Россия*

В статье предпринят анализ дореволюционной и советской историографии, посвященной девичеству как этапу женского жизненного цикла. Автор устанавливает, что исследовательский интерес зародился еще в конце XVIII в. с первыми обращениями к женской теме и развивался в работах этнографов-бытописателей, изучавших традиционное (преимущественно крестьянское) девичество. Девичество же привилегированных сословий мало привлекало исследователей ввиду закрытости образа жизни. Несмотря на отсутствие широкого интереса к девичеству как отдельной теме на протяжении двух столетий, а также комплексных исследований, их труды, а также вклад советских этнографов, изучавших обрядовые и ритуальные практики, заложили основу для институционализации и дальнейшего междисциплинарного развития антропологии русского девичества к концу 1980-х гг.

***Ключевые слова:*** *девичество, историография, антропология, этнография, женская история, историческая антропология повседневности.*

Под девичеством исследователи традиционно понимают этап женского жизненного цикла, находящийся между детством и зрелостью, верхние границы которого нередко связаны с заключением брака. Несмотря на различия рамок девичества ввиду исторического, географического, культурного и правового факторов, этот период является полноценным и ключевым в жизни каждой женщины, поскольку именно во время него происходит становление её личности и формирование гендерной идентичности, что обусловливает актуальность его изучения.

Цель данной статьи – проанализировать становление девичества как самостоятельного предмета изучения в отечественной дореволюционной и советской историографии, начиная с первых академических работ, так или иначе затронувших девичество и его культуру, вплоть до конца 1980-х гг. – до момента проникновения в отечественную научную мысль западной методологии, к которому, однако, была создана основа для дальнейшего специального развертывания нового направления – антропологии русского девичества.

[1] Текст подготовлен в рамках проекта РНФ «Женская семейная память в России XVIII–XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия» (No 24-18-00212).

© Калашникова Д.И., 2026

Поиски истоков интереса к антропологии девичества в отечественной историографии нужно, вероятно, начинать с того же этапа, с которого берут своё начало истоки интереса к женской истории страны, а именно – с конца XVIII – начала XIX в., когда эта тема была затронута в работах участников первых академических экспедиций[2]. В 1768 г. началось сразу три экспедиции по исследованию Оренбургской губернии. Их руководители и участники – П.С. Паллас, И.Г. Георги, И.И. Лепехин, И.П. Фальк – стали авторами трудов, в которых нашли отражение жизнь и быт различных народов, в том числе и русского. Они были первыми, кто уделил внимание описанию внешности девушек, их одежды, украшений, занятий и традиционных обрядов (зачастую в сравнении с укладом взрослых женщин), а также их положению в обществе. Так, одной из первых опубликованных работ были дневниковые записи академика И.И. Лепехина, в которых отражены его впечатления о башкирской свадьбе, описанной им в особом сравнении с татарской. Наиболее интересным он посчитал то, что после договорённости отцов о заключении брака между их детьми, отец потенциальной невесты публично спрашивал девушку о её личном желании. Она, в свою очередь, и принимала окончательное решение[3]. Работы же иностранных коллег, прибывших в Россию на службу, в сравнении с трудами уроженца Петербурга, наполнены большим количеством деталей внешнего вида девушек, в том числе и повседневного, воспринимавшегося ими как диковинный[4]. Однако никто из исследователей ни конца XVIII, ни первой половины XIX в. не ставил перед собой специальной задачи изучить особенности девичества как этапа жизненного цикла.

Темы этой касались иллюстративно. Так, Н.А. Цертелев в статье «О свадебном русском обряде»[5] подчеркнул беззаботность жизни девушек в давние времена. И.П. Сахаров был одним из первых в отечественной историографии, кто комплексно проанализировал историю смотрин, сватовства, свадебных обрядов у русских, собрав материал в Тверской, Калужской, Московской, Орловской и Рязанской губерниях. Ему же принадлежит вывод

[2] *Пушкарева Н.Л.* Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии. М., 2002. С. 11.

[3] *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям российского государства: в 4 т. СПб., 1780. Т. 2. С. 150.

[4] *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей: в 4 ч. СПб., 1799; *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской Империи. СПб., 1809; Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук, по предложению ее президента. Т. 6. СПб., 1824.

[5] *Церетелев Н.А.* О свадебном русском обряде // Труды Вольного общества любителей российской словесности. СПб., 1822. Т. XIX. С. 113–131.

о том, что именно девушка была одним из ключевых действующих лиц, вокруг которого были построены все ритуальные и обрядовые акты[6]. Классик русского этнографического описания историк и археолог А.В. Терещенко счёл «девичью тему» не слишком перспективной для изучения. Он подчёркивал скучность, единообразие и пассивность повседневности всей образованной части женского населения и девушек в частности, чьи развлечения сводились лишь к пению и играм в пределах дома[7]. Он видел в «сидячей жизни» девушек высших сословий причину большинства болезней, которым женский пол был подвержен[8]. Больше внимания он уделил свадебным обрядам всех сословий, первым обратил внимание на ответственность родителей за будущее их дочерей (обязанность искать женихов, а в случае неудачи с этим – отдавать в монастырь)[9]. Немного странно прозвучал вывод историка о том, что девичий наряд у русских был лишен выразительности (даже в XVII в.)[10].

В 1860-е гг. интерес к повседневности привилегированных слоев русского общества явно возрос. И.Е. Забелин в труде «Домашний быт русских царей в XVI–XVII столетиях» подробно описал убранство девичьих спален, детали воспитания, образования и времяпрепровождения молодых особ допетровского времени, тем самым задав структурные рамки будущих исследований русского девичества. Акцент историк первостепенно сделал на повседневную жизнь царей и их ближайшего окружения, аспекты девичей культуры он затрагивал косвенно, поскольку царевны были неотъемлемыми участницами жизни царского двора, но не ее ключевыми фигурами. Девичьи он поименовал «святилищами женского одиночества, куда, кроме людей близких и необходимых, не проникал ничей глаз»[11]. Как и предшественники, он уделил внимание нарядам, украшениям и головным уборам девушек, всячески подчеркивал закрытость образа жизни царских дочерей, которая «по понятию наших предков, без потери доброго имени не могла являться открытой»[12], вплоть до зазорности появления женской личности в публичном пространстве допетровской России[13]. Истоки этого он определил в идеологических заимствованиях из Византии[14], где появление девушки в обществе могло прочитываться как нарушение «целомудрия публичного общежития»[15].

---

[6] *Сахаров И.П.* Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И. Сахаровым. СПб., 1837.

[7] *Терещенко А.В.* Быт русского народа: в 2 т. // Сост. А.В. Фролова; отв. ред. О.А. Платонов. М., 2014. Т. I. С. 290.

[8] Там же. С. 274.

[9] Там же. С. 397.

[10] Там же. С. 241

[11] *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях / Отв. ред. О.А. Платонов. М., 2014. С. 220.

[12] Там же. С. 553.

[13] Там же.

[14] Там же. С. 105.

[15] *Забелин И.Е.* Указ. соч. С. 8.

В 1864 г. в связи со 100-летием Воспитательного общества благородных девиц и Санкт-Петербургского Александровского училища, в свет вышел исторический очерк В.Н. Лядова[16], посвящённый описанию развития этих двух закрытых элитарных учебных заведений для девочек. В ней автор реконструировал институциональную модель воспитания и формирования девушки высших сословий (требования к образованности, владению иностранными языками, к готовности к семейной жизни, наличию навыков ведения домашнего хозяйства) в XVIII – начале XIX в.

Изучение же культуры девичества в контексте культуры народной было продолжено этнографами и фольклористами. В.А. Александровым был собран и систематизирован материал по деревенским увеселениям в Вологодском уезде. В статье было показано, что девушки были активными участницами деревенской жизни, а народные развлечения были для них формой социализации[17]. В своем труде «Свадебные обряды русских крестьян Царевококшайского уезда» современник В.А. Александрова – П.А. Жаворонков детально зафиксировал свадебный день и послесвадебные ритуалы зажиточных крестьян Казанской губернии, доказав, что их точное соблюдение гарантировало девушкам благополучную семейную жизнь[18]. Аналогичные выводы сделал и автор биографии царевны Софьи Н.И. Костомаров. Он тоже обратил тогда внимание на быт и повседневность царский дочерей, и ему они тоже представились как «затворщицы, никем не видимые»[19].

О том, как родился такой обычай для представительниц царской семьи, размышлял в 1880-е гг. в своём труде М.В. Забылин[20]. Проанализировав некоторые пережитки времен язычества в свадебной обрядности русских, он пришел к выводу, что церкви никогда не удастся их искоренить. К таковым он отнес гадания девушек на любовь и замужество, использование любовных заговоров, которые рассматривались им не как суеверия, а как ключ к пониманию внутреннего мира девушек с их переживаниями и выражениями надежд и желаний, выявляя сложность, вариативность и адаптивность девичей культуры, готовность ее меняться под влиянием социальных условий.

В конце XIX в. историк В.О. Михневич обратился к изучению русской женской истории в целом и девичей культуры в ней в частности. Его взгляд на русскую девушку довольно сильно отличался от мнений коллег: она, счи-

---

[16] *Лядов В.Н.* Исторический очерк столетней жизни Воспитательного общества благородных девиц и Санкт-петербургского Александровского училища. СПб., 1864.

[17] *Александров В.А.* Деревенское веселье в Вологодском уезде // Современник. 1864. Т. 103. № 7. С. 169–200.

[18] *Жаворонков П.А.* Свадебные обряды русских крестьян в Царевококшайском уезде. Казань, 1868.

[19] *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 4 т. / Вступит. статья А.Ф. Смирнова / Сост. А.М. Кузнецова. М., 1998. Т. 3. С. 211.

[20] *Забылин М.В.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия: в 4 ч. / Сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М., 2014.

тал он, никогда никакой затворницей не была (за исключением именно царских дочек), а потому была готова всем сердцем принять «стремительную эмансипацию с ее либеральными и культивирующими результатами»[21]. В.О. Михневич был одним из первых (если не первым!), кто выделил девичество как этап женского жизненного цикла и связал его не только с приобретением доступа к новым социальным практикам, но и с готовностью к поиску избранника и вступлению в брак.

К концу XIX в. относятся и новаторские труды женщины-врача М.М. Волковой[22], посвящённые вопросам красоты, гигиены и здоровья женщин. Яркий акцент автор сделала на факте формирования организма в девичьем возрасте, считая этот период чрезвычайно важным для будущего здоровья женщины. Она настаивала, что любые болезни, которым девушки могут быть подвержены, едва ли поддаются лечению, в том числе и медикаментозному, при несоблюдении гигиенических советов врача. Огромное внимание она уделила вопросу ношения корсета с раннего девичества, являвшегося причиной многих женских болезней. Обязательное ношение корсетов, по мнению Волковой, было ошибкой; а сама работа М.М. Волковой потому и стала буквально манифестом медицинской и социальной мысли, направленной на рационализацию и признание ценности женского здоровья.

Подстать трудам М.М. Волковой, особо выделявшей проблему девичьего здоровья, стали в начале XX в. работы одной из первых русских женщин-этнографов – М.В. Красноженовой, которая, в отличие от кабинетных учёных, собирала материал во время полевых выходов и лично общалась с информантами, погружаясь в их жизнь. Как женщина, она имела больший доступ к женским практикам, обычаям и обрядам и их пониманию, в отличие от исследователей-мужчин. География интересов этнографа тогда явно вышла за рамки центральных районов страны. Ученая проанализировала богатый этнографический материал, посвященный предсвадебной и свадебной обрядности, и подчеркнула важность в ней девушек (на примере районов Сибири)[23]. Высокий класс историко-этнографического анализа в те же годы явила работа знаменитого Д.К. Зеленина «Обрядовое празднество совершеннолетия девиц у русских»[24]. Историк был одним из первых в отечественной науке, кто обратил внимание на существование обрядов, знаменующих переход девушки в новой социальный статус, характеризующийся её готовностью к вступлению

[21] *Михневич В.О.* Русская женщина XVIII столетия. М., 1990. С. 6.

[22] *Волкова М.М.* Беседы о том, как надо охранять здоровье женщины, начиная с детства и кончая периодом увядания: Лекции, читанные в Соляном городке в 1894 г. СПб., 1896; *Её же.* Красота, гигиена и реформа женской одежды: Две лекции женщины-врача. СПб., 1899.

[23] *Красноженова М.В.* Описание крестьянской свадьбы в дер. Лапиной // Известия Восточно-Сибирского отдела Имперского русского Географического общества. Иркутск, 1908. Т. XXXVI. С. 77–81; *Её же*. Описание крестьянской свадьбы в дер. Злобиной Енисейской губ. // Известия Восточно-Сибирского отдела Имперского русского Географического общества. Иркутск: 1909. Том XXXVIII. С. 17–31.

[24] *Зеленин Д.К.* Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских. М., 1994. С. 179–192.

в брак, предпринял попытку их анализа. На его взгляд, низкая степень изученности данной темы объяснялась тогда «невидимостью» девичьих обрядов совершеннолетия для исследователей, ввиду их тесной связи, а нередко и совпадения со свадебным ритуалом. Таким образом, он был первым из отечественных ученых, кто опроверг мнение о нераспространенности на девушек обрядов инициаций.

Революционные события первой четверти XX в. внесли свои коррективы в тематику исследований, касавшихся женской истории, а в ней – истории и антропологии девичества. Учёных в обновлявшейся стране больше интересовали вопросы женской эмансипации, политической, общественной и трудовой деятельности, ведь ранее малозаметные в публичном пространстве женщины стали полноправными акторами исторического процесса. Этнографические исследования, конечно, продолжались, но в них никто не центрировал внимания на новых аспектах, старые сюжеты дополнялись какими-то конкретными частностями, девичество изучалось косвенно, не являясь специальным объектом исследовательского внимания в течение почти трех десятилетий[25].

Ситуация начала меняться, когда в середине XX в. сотрудник Института этнографии АН СССР М.Н. Шмелева, подчеркнув малоизученность народной одежды украинского населения Закарпатья, подробно описала женский повседневный и праздничный костюмы в особом сравнении с костюмом девичьим, отличавшимся большей яркостью и выразительностью. Отдельное внимание в её труде было уделено украшениям и головным уборам, служившим маркерами возрастного и социального положения лиц женского пола, в том числе и девичьего статуса, означая готовность девушки к обретению статуса невесты и заключению брака[26].

Приступая к этнографическому изучению культуры и быта русского городского населения в 1960-х гг., М.Н. Шмелева совместно с Л.А. Анохиной наметили основной методический приём – сопоставление прошлого, традиционного и устоявшегося, с настоящим и изменчивым[27]. Применительно к изучению девичьего быта это было очень важно, и следом за их публикациями в свет вышло исследование Т.А. Колевой. Она первой предприняла попытку комплексного изучения весенних девичьих обычаев (на примере южнославянских народов). Выявив их происхождение и проведя

[25] *Елеонская Е.Н.* Сказка, заговор и колдовство в России. Сб. трудов / Вступ. ст. и сост. Л.Н. Виноградовой. М., 1994; *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.

[26] *Шмелева М.Н.* Типы женской народной одежды украинского населения Закарпатской области // Советская этнография. 1948. № 2. С. 130–146; *Она же.* Из истории национального костюма украинцев Закарпатской области // Краткие сообщения ин-та этнографии АН СССР, в. XI, М. – Л., 1950. С. 20–30.

[27] *Анохина Л.А., Шмелева М.Н.* Некоторые проблемы этнографического изучения современного русского города // Сов. этнография. 1964. № 5. С. 9–10; *Их же.* Задачи и методы этнографического изучения культуры и быта русского городского населения // Сов. этнография. 1966. № 6. С. 57–67.

типологическое сравнение, автор пришла к выводу о направленности ритуалов на социализацию подрастающего поколения представительниц женского пола, их эмансипацию, при этом подчеркнув непосредственную связь с половым созреванием и получением права на замужество. Показав связь между весенними девичьими обрядами, пробуждением природы и детородными возможностями девушек, она показала общность такого рода связей во всех славянских культурах[28], с чем согласились и авторы коллективного труда «Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья»[29]. Авторы её – Е.П. Бусыгин, Н.В. Зорин, М.Б. Михайличенко, – создав комплексное историко-этнографическое описание повседневной жизни и её ритуальной части русской крестьянской общины, представили девушек в ней полноценными участницами общественной жизни со всеми её культурными особенностями (организация досуга, освоение трудовых навыков, подготовка к замужеству и комплекс связанных с этим ритуалов и практик). Девичество предстало в их труде как динамичный период жизни женщины, во время которого происходило формирование её личности и интеграция в общественную жизнь.

Самый известный, вероятно, этнографический труд, связанный с девичьей крестьянской культурой, был в то время создан Т.А. Бернштам. Применив историко-этнографический подход, она не просто описала, но и совершила детальный анализ предсвадебной обрядности Поморья в исторической перспективе, показав её трансформацию в XIX – начале XX в. Она ввела в научный обиход термин «девушка-невеста», предполагавший характеристики особого статуса и бывший лиминальным, выходящим за рамки простого биологического возраста. Его характеристика оказалась связана в работе исследовательницы с комплексом специфических обрядовых предбрачных практик – сватовством, смотринами, помолвкой, девичником, последовательно направленным на переход из статуса незамужней девушки в статус невесты. Немалое значение было уделено Т.А. Бернштам и семантике девичьих головных уборов и волос, с которыми были связаны ритуальные практики, маркирующие переход в новую фазу жизненного цикла[30].

Культурно-антропологическое описание русского крестьянского общества было продолжено на излете существования советской науки многими этнографами[31]. В частности, Л.Н. Виноградовой были систематизиро-

---

[28] *Колева Т.* Происхождение весенних девичьих обрядов у некоторых славянских народов // Македонский фольклор. 1973. Т. IV. Св. 12. С. 74–85.

[29] *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Михайличенко Е.В.* Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья: историко-этнографическое исследование (середина XIX – начало XX вв.). Казань, 1973.

[30] *Бернштам Т.А.* Девушка-«невеста» и предбрачная обрядность в Поморье в XIX – начале XX в. // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы. Л., 1978. С. 48–71.

[31] *Зорин Н.В.* Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань, 1981; *Бернштам Т.А.* Обряд «расставание с красотой» (К семантике некоторых элементов материальной

ваны девичьи гадания цикла календарной обрядности, связанные с замужеством, а также выявлены общие черты и параллели гаданий западно- и восточнославянских регионов и был сделан вывод об их общих корнях (связь девичьих гаданий с культом предков, взаимосвязь девичьих гаданий с формами других календарных обрядов и магических действий)[32]. Успевший полюбиться лингвистам метод картографирования был применён Л.С. Гвоздиковой и Г.Г. Шаповаловой при изучении свадебной обрядности Калининской, Ярославской и Костромской областей. Исследовательницы остановили внимание на прощании «с красотой», «девичьем житьем», знаменующем переход девушки в другую социально-возрастную и семейно-родовую группу, выявив региональные особенности, замену эпизодов, слияние части обрядов, их упрощение и смещение во времени и пространстве[33]. Однако все перечисленные статьи и монографии были типично этнографическими описаниями, пока в отечественной историографии не сложились предпосылки для возникновения нового научного направления – истории женщин, антропологии женского быта и повседневности.

Основополагающий вклад в его возникновение был сделан трудами этнографа и историка Н.Л. Пушкаревой. Её ранние публикации были посвящены древности – первым векам русской истории, допетровской России, но именно они заложили рамку будущих исследований многих аспектов *женской темы,* в том числе и девичества. Проанализировав нарративную литературу, канонические памятники, отобразившие брачные и свадебные традиции, обычаи и обряды, исследовательница доказала, что ритуал превращения из подростка и девушки в девушку-невесту за несколько столетий сильно трансформировался, так что церковь стала выступать непосредственным регулятором общественных отношений и защитником девушек, особенно в случае нарушения или ущемления их прав при заключении брачного союза[34].

Необходимым является знакомство с фундаментальным этнографическим исследованием М.М. Громыко «Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в.»[35], в котором, несмотря на то что

---

культуры в восточнославянском свадебном обряде) // Сборник музея антропологии и этнографии. Л., 1982. С. 43–66.

[32] *Виноградова Л.Н.* Девичьи гадания о замужестве в цикле славянской календарной обрядности (западно-восточнославянские параллели) // Славянский и балканский фольклор: Обряд. Текст / Отв. ред. Н.И. Толстой. М., 1981. С. 13–43.

[33] *Гвоздикова Л.С., Шаповалова Г.Г.* «Девья красота»: Картографирование свадебного обряда на материалах Калининской, Ярославской, Костромской областей // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 264–277.

[34] *Пушкарева Н.Л.* Женщина в средневековом Новгороде XI–XV вв. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. М., 1983. № 3. С. 78–89; *Ее же*. Социально-правовое положение женщин в Русском государстве X–XV вв.: вопросы преступления и наказания // Советское государство и право. 1985. № 4. С. 121–126; *Её же*. Женщина в древнерусской семье (X–XV вв.) // Советская этнография. 1988. № 4. С. 87–98.

[35] *Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.

фокус был сделан не на девичестве, тем не менее раскрыто понимание этой фазы жизненного цикла через призму общепринятых социокультурных норм и форм общения в среде крестьянства. Автор систематизировала нормы поведения крестьянских девушек и показала ожидаемые и одобряемые обществом их модели поведения, сделав акцент на правилах приличия, трудолюбии, скромности и уважении. Кроме того, в исследовании была подчеркнута важность молодежного досуга девушек для формирования их поведения в публичном пространстве, а также передачи и воспроизводства ими культурного кода народа. По мнению М.М. Громыко, девичество – строго регламентированный и социально обусловленный период жизни крестьянской девушки, во время которого осуществляется её подготовка к взрослой самостоятельной жизни и замужеству.

Отдельно также выделим другую работу советского и российского исследователя Т.А. Бернштам, которая одной из первых предприняла попытку этнографического изучения категорий «пол» и «возраст» в структуре и культуре традиционного российского общества XIX–XX вв. Она подчеркнула, что ученые нередко воспринимали половозрастную дифференциацию народа как биологическую данность, отражённую в брачно-семейных отношениях и ритуальных формах. Уделив особое внимание девушкам, исследовательница подчеркнула нечёткость статуса девушки-невесты, поскольку, помимо полового созревания, важную роль играли аскриптивные, приписываемые традицией, признаки женского взросления[36].

Таким образом, дореволюционная и советская отечественная историография на протяжении двух столетий создала необходимую базу для специального развертывания направления *«антропология русского девичества»*. Собранный этнографами-бытописателями материал, аккумулировавшийся с конца XVIII и до начала XX вв., сконструировал аналитическую рамку изучения девичества в традиционной (считалось: именно крестьянской) среде.

Последующий вклад советских городоведов расширил эту источниковую базу. Уже советская этнографическая литература была богата на исследования, посвящённые девичеству и его культуре в исторической ретроспективе, применительно прежде всего к тем слоям русского народа, которые не оставили письменного наследия. В этих трудах были проанализированы девичьи обрядовые и ритуальные практики, хотя комплексные работы именно по теме девичества отсутствовали.

Несмотря на отсутствие массового признания данного направления среди исследователей, предпринятые отечественными учёными усилия к концу 1980-х гг. позволят в последующем сделать русское девичество, в том числе привилегированных сословий, специальным предметом изучения представителей различных научных дисциплин, характеризующимся широким применением междисциплинарности.

[36] *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. С. 42.

**Список литературы:**


1. *Александров В.А.* Деревенское веселье в Вологодском уезде // Современник. 1864. Т. 103. № 7. С. 169–200.
2. *Анохина Л.А., Шмелева М.Н.* Задачи и методы этнографического изучения культуры и быта русского городского населения // Советская этнография. 1966. № 6. С. 57–67.
3. *Анохина Л.А., Шмелева М.Н.* Некоторые проблемы этнографического изучения современного русского города // Советская этнография. 1964. № 5. С. 9–10.
4. *Бернштам Т.А.* Девушка-«невеста» и предбрачная обрядность в Поморье в XIX – начале XX в. // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы. Л., 1978. С. 48–71.
5. *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Ленинград, 1988.
6. *Бернштам Т.А.* Обряд «расставание с красотой» (К семантике некоторых элементов материальной культуры в восточнославянском свадебном обряде) // Сборник музея антропологии и этнографии. Л, 1982. С. 43–66.
7. *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Михайличенко Е.В.* Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья: историко-этнографическое исследование (середина XIX – начало XX вв.). Казань, 1973.
8. *Виноградова Л.Н.* Девичьи гадания о замужестве в цикле славянской календарной обрядности (западно-восточнославянские параллели) // Славянский и балканский фольклор: Обряд. Текст / Отв. ред. Н.И. Толстой. М., 1981. С. 13–43.
9. *Гвоздикова Л.С., Шаповалова Г.Г.* «Девья красота»: Картографирование свадебного обряда на материалах Калининской, Ярославской, Костромской областей // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 264–277.
10. *Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.
11. *Елеонская Е.Н.* Сказка, заговор и колдовство в России: сб. трудов / Вступ. ст. и сост. Л.Н. Виноградовой. М., 1994.
12. *Забылин М.В.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия: в 4 ч. // Сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М., 2014.
13. *Зеленин Д.К.* Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских. М., 1994.
14. *Зорин Н.В.* Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань, 1981.
15. *Колева Т.* Происхождение весенних девичьих обрядов у некоторых славянских народов // Македонский фольклор. 1973. Т. IV. Св. 12. С. 74–85.
16. *Михневич В.О.* Русская женщина XVIII столетия. М., 1990.
17. *Пушкарева Н.Л.* Женщина в древнерусской семье (X–XV вв.) // Советская этнография, 1988. № 4. С. 87–98.
18. *Пушкарева Н.Л.* Женщина в средневековом Новгороде XI-XV вв. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. М., 1983. № 3. С. 78–89.

19. *Пушкарева Н.Л.* Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии. М., 2002.
20. *Пушкарева Н.Л.* Социально-правовое положение женщин в Русском государстве X-XV вв.: вопросы преступления и наказания // Советское государство и право. 1985. № 4. С. 121–126.
21. *Терещенко А.В.* Быт русского народа: в 2 т. // Сост. А.В. Фролова / отв. ред. О.А. Платонов. М., 2014. Т. I.
22. *Шмелева М.Н.* Из истории национального костюма украинцев Закарпатской области // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР, в. XI т., М.; Л., 1950. С. 20–30.
23. *Шмелева М.Н.* Типы женской народной одежды украинского населения Закарпатской области // Советская этнография. 1948. № 2. С. 130–146.

*Об авторе:*

КАЛАШНИКОВА Дарья Ивановна – преподаватель, кафедра философии, биоэтики, истории медицины и социальных наук, Смоленский государственный медицинский университет (Россия, 214019, г. Смоленск, ул. Крупской, 28), e-mail: darya.kdi@yandex.ru

## Girlhood as a Stage of the Female Life Cycle: the Results of Studying the History of Russian Historiography Over Two Centuries

**D.I. Kalashnikova**

Smolensk State Medical University, *Smolensk, Russia*

The article analyzes pre-revolutionary and Soviet historiography devoted to girlhood as a stage of the female life cycle. The author establishes that interest in the topic originated at the end of the XVIII century with the first references to the female theme and developed in the works of ethnographers, life writers who studied traditional (mainly peasant) girlhood. The girlhood of the privileged classes did not attract researchers much, due to the closed lifestyle. Despite the lack of widespread interest in girlhood as a separate topic for a century and a half, as well as comprehensive research, their works, as well as the contribution of Soviet ethnographers who studied ritual and ritual practices, laid the foundation for the institutionalization and further interdisciplinary development of the anthropology of Russian girlhood by the end of the 1980s.

***Keywords*:** *girlhood, historiography, anthropology, ethnography, women's history, historical anthropology of everyday life.*

*About the author:*

KALASHNIKOVA Darya Ivanovna – lecturer, Department of Philosophy, Bioethics, History of Medicine and Social Sciences, The Smolensk State Medical University, (Russia, 214019, Smolensk, Krupskoi st., 28),e-mail: darya.kdi@yandex.ru

**References**

Anokhina L.A., Shmeleva M.N. *Zadachi i metody etnograficheskogo izucheniya kultury i byta russkogo gorodskogo naseleniya*, Sov. Etnografiya, 1966, № 6, S. 57–67.

Anokhina L.A., Shmeleva M.N. *Nekotoryye problemy etnograficheskogo izucheniya sovremennogo russkogo goroda*, Sov. etnografiya, 1964, № 5, S. 9–10.

Belova A.V. *Russkaya devushka-dvoryanka: seksual'nost' i gendernaya identichnost' (XVIII – pervaya polovina XIX vv.)*, Novyj istoricheskij vestnik. 2007. № 2 (16). S. 3–18.

Belova A.V., *«Chetyre vozrasta zhenshchiny»: Povsednevnaya zhizn' russkoj provincial'noj dvoryanki XVIII – serediny XIX v.*, SPb., Aletejya, 2010. – 480 s.

Bernshtam T.A., *Devushka-«nevesta» i predbrachnaya obryadnost v Pomorye v XIX - nachale XX v., Russkiy narodnyy svadebnyy obryad: issledovaniya i materialy*, Leningrad, 1978, S. 48–71.

Bernshtam T.A., *Molodezh v obryadovoy zhizni russkoy obshchiny XIX – nachala XX v.: Polovozrastnoy aspekt traditsionnoy kultury*, Leningrad, 1988.

Bernshtam T.A., *Obryad «rasstavaniye s krasotoy» (K semantike nekotorykh elementov materialnoy kultury v vostochnoslavyanskom svadebnom obryade)*, Sbornik muzeya antropologii i etnografii, L., 1982, S. 43–66.

Busygin E.P., Zorin N.V., Mikhaylichenko E.V., *Obshchestvennyy i semeynyy byt russkogo selskogo naseleniya Srednego Povolzhia: istoriko-etnograficheskoye issledovaniye (seredina XIX – nachalo XX vv.)*, Kazan, 1973.

Vinogradova L.N., *Devichi gadaniya o zamuzhestve v tsikle slavyanskoy kalendarnoy obryadnosti (zapadno-vostochnoslavyanskiye paralleli), Slavyanskiy i balkanskiy folklor: Obryad. Tekst*, Otv. red. N.I. Tolstoy, M., 1981, S. 13–43.

Gvozdikova L.S., Shapovalova G.G., *«Devia krasota»: Kartografirovaniye svadebnogo obryada na materialakh Kalininskoy, Yaroslavskoy, Kostromskoy oblastey, Obryady i obryadovyy folklore*, M., 1982, S. 264–277.

Gromyko M.M., *Traditsionnyye normy povedeniya i formy obshcheniya russkikh krestian XIX v.*, M., 1986.

Eleonskaya E.N., *Skazka, zagovor i koldovstvo v Rossii,* Sb. Trudov, Vstup. st. i sost. L.N. Vinogradovoy, M., 1994.

Zabelin I.E., *Domashniy byt russkikh tsarey v XVI i XVII stoletiyakh*, Otv. red. O.A. Platonov, M., 2014.

Zelenin D.K., *Vostochnoslavyanskaya etnografiya*, M., 1991.

Zelenin D.K., *Obryadovoye prazdnestvo sovershennoletiya devitsy u russkikh*, M., 1994.

Zorin N.V., *Russkaya svadba v Srednem Povolzhye*, Kazan, 1981.

Koleva T., *Proiskhozhdeniye vesennikh devichikh obryadov u nekotorykh slavyanskikh narodov, Makedonskiy folklore*, 1973, t. IV. Sv. 12. S. 74–85.

Kostomarov N.I., *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh eye glavneyshikh deyateley: v 4 t.*, Vstupitelnaya statia A.F. Smirnova, Sost. A.M. Kuznetsova, M., 1998, T. 3.

Mikhnevich V.O., *Russkaya zhenshchina XVIII stoletiya*, M., 1990.

Pushkareva N.L., *Zhenshchina v drevnerusskoy semye (X–XV vv.), Sovetskaya etnografiya*, 1988, № 4, S. 87–98.

Pushkareva N.L., *Zhenshchina v srednevekovom Novgorode XI–XV vv.*, Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 8. Istoriya, M., 1983, № 3, S. 78–89.

Pushkareva N.L., *Russkaya zhenshchina: istoriya i sovremennost: Istoriya izucheniya «zhenskoy temy» russkoy i zarubezhnoy naukoy. 1800–2000: Materialy k bibliografii*, M., 2002.

Pushkareva N.L., *Sotsialno-pravovoye polozheniye zhenshchin v Russkom gosudarstve X–XV vv.: voprosy prestupleniya i nakazaniya, Sovetskoye gosudarstvo i parvo*, 1985, № 4, S. 121–126.

Tereshchenko A.V., *Byt russkogo naroda: v 2 t.*, sost. A. V. Frolovoy, Otv. red. O.A. Platonov. M., 2014. T. I.

Shmeleva M.N., *Iz istorii natsionalnogo kostyuma ukraintsev Zakarpatskoy oblasti*, Kratkiye soobshcheniya In-ta etnografii AN SSSR, v. XI, M., L., 1950, S. 20–30.

Shmeleva M.N., *Tipy zhenskoy narodnoy odezhdy ukrainskogo naseleniya Zakarpatskoy oblasti, Sovetskaya etnografiya*, 1948, № 2, S. 130–146.

*Статья поступила в редакцию 24.05.2026 г.*

*Подписана в печать 11.09.2026 г.*